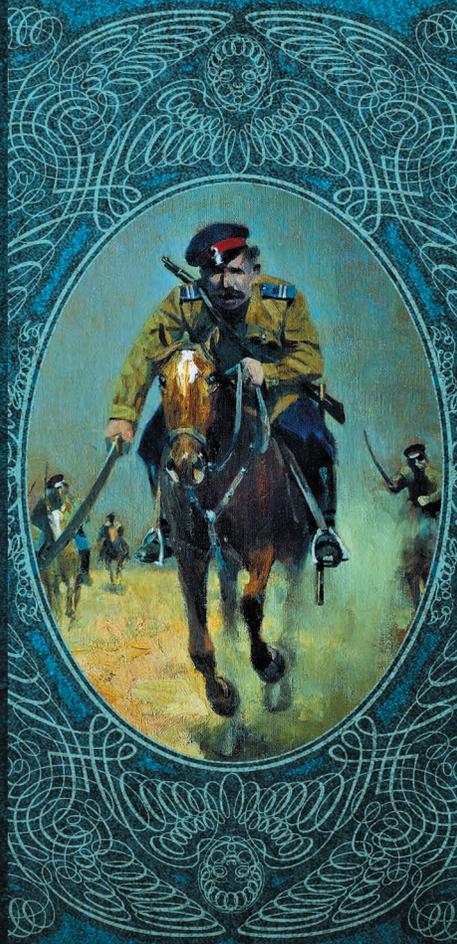

МИХАИЛ
ШОЛОХОВ
Тихий Дон

МИХАИЛ
ШОЛОХОВ

Тихий Дон

www.bmm.ru

ISBN 978-5-88353-539-9

9 785883 535399

www.trade.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-4710-2

9 789661 447102

МИХАИЛ
ШОЛОХОВ

Тихий Дон

МИХАИЛ
ШОЛОХОВ

Тихий Дон

Роман

Москва
2013

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2013 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84.4Р2
Ш78

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Шолохов М. А. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Союз писателей России.

Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. РАН.

Междунар. шолоховский юбилейный комитет при Союзе писателей России.

Фонд подвижничества и просветительства «И возродится Великая Русь».

Ред. журн. «Роман-Журнал XXI век». — М. : Моск. писатель, 2001. — 872 с. : ил.

Вступительная статья *Ф. Ф. Кузнецова*

Комментарии *В. В. Васильева*

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-4710-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2297-2 (Россия)
ISBN 978-5-88353-539-9 (Россия, БММ)

- © М. А. Шолохов, наследники, 2013
- © Ф. Ф. Кузнецов, вступительная статья, 2013
- © В. В. Васильев, наследники, комментарии, 2013
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"», г. Белгород, 2013
- © ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа Москва АО», 2013

Великая книга XX века

1

«Тихий Дон» — великая книга XX века. Она, как никакая другая, с поразительной глубиной и художественной силой выразила суть величайшего исторического события минувшего века — русской революции.

10 декабря 1965 года М. А. Шолохову за роман «Тихий Дон» была вручена Нобелевская премия. Как сказано в дипломе, Нобелевская премия была присуждена М. А. Шолохову «в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах русского народа».

Именно глубочайшая честность и верность правде жизни дали возможность М. А. Шолохову с художественной силой, присущей гению, выразить главное противоречие народной жизни той эпохи: глубочайшие трагизм и величие порыва народа в будущее.

Нобелевская премия, присужденная русскому писателю за роман «Тихий Дон», означала мировое признание гения не только М. А. Шолохова, но и великой русской литературы.

М. А. Шолохов считал себя продолжателем школы русского реализма. И прежде всего продолжателем Л. Н. Толстого, о чем говорил неоднократно.

«Тихий Дон» и «Война и мир» — две величайшие эпопеи в истории мировой литературы. Нет сомнения в том, что М. А. Шолохов учился у Л. Н. Толстого. Но поэтика «Тихого Дона» формировалась не только под воздействием «Войны и мира».

Вдумаемся в слова профессора Мичиганского университета (США) Д. Стюарта, по мнению которого «Тихий Дон» «таит в себе и противоречия типа Достоевского» (К. Прийма. «Тихий Дон» сражается. Ростов н/Д, 1983. С. 497). И действительно, в способе выявления противоречий жизни Шолохов в «Тихом Доне» идет тем же путем, что и Ф. М. Достоевский — путем полифонической поэтики. И это — исключительно важная характеристическая черта поэтики романа М. А. Шолохова, объясняющая многие его особенности.

О принципе полифонии в творчестве Достоевского писал М. М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского»: «Достоевский — творец полифонического романа. Он создал существенно новый романский жанр. Поэтому-то его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиня-

ется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа» (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. С. 477). И далее:

«Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, полная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского» (там же. С. 485).

Но разве не этим путем — может быть, не всегда и не во всем последовательно — как раз и идет в «Тихом Доне» Шолохов? Этот объективный, точнее «объективированный» путь полифонического воспроизведения жизни для него особенно труден, потому что речь в романе «Тихий Дон» идет о вещах не бытовых или бытийных, но — политических, о самой что ни на есть «злобе дня». И тем не менее Шолохов идет именно этим, самым трудным в реалистическом искусстве путем, реализуя свой предельно объективный подход к изображаемому.

Вспомним, как с позиции казачества описывается в романе начало, точнее — предчувствие начала красного террора в январе 1919 года. «Все Обдонец, как степь зимой, жило потаенной, придавленной жизнью. Жухлые подходили дни. События стояли у грани. Черный слушок полз с верховьев Дона, по Чиру, по Цуцкану, по Хопру, по Еланке, по большим и малым рекам, усыпанным казачьими хуторами. Говорили о том, что не фронт страшен, прокатившийся волной и легший возле Донца, а чрезвычайные комиссии и трибуналы. Говорили, что со дня на день ждут их в станицах, что будто бы в Мигулинской и Казанской уже появились они и вершат суды короткие и неправые над казаками, служившими у белых...» (4. 146)¹.

Коммунист Шолохов, казалось бы, не мог написать таких слов. Но слова эти писал не политический деятель, а художник, с тем, чтобы полностью раскрылись те настроения и чувствования, которые обуревали казачество в те, и в самом деле, «жухлые» для него дни.

И точно так же — с полной исторической правдой и объективностью — раскрываются в романе чувства, мысли, устремления и генерала Корнилова, и генерала Каледина, и сотника Изварина, и Петра или Григория Мелеховых.

Самораскрытие Григория Мелехова на разных этапах его внутреннего, духовного и душевного развития воссоздает правдивую картину всех его метаний и исканий. С предельной искренностью и правдивостью Шолохов сумел передать различные состояния мятущейся души своего героя, подчас полярные — от, казалось бы, полного прития «большевиков» до полного их отрицания. В каждом своем душевном порыве Григорий Мелехов пре-

¹ М. Шолохов. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 4. С. 146. Далее ссылки даются в тексте (том, страница).

дельно искренен, — и в этом-то огромная художественная правда этого характера. Причем это самораскрытие героя происходит без «перста указующего» автора, самопроизвольно, органично, естественно.

Противоречия в развитии характера Григория Мелехова, так же как противоречия в романе «Тихий Дон» в целом, и прежде всего главное «противоречие» романа — между «белыми» и «красными» — составляли суть той «исторической фазы русского народа», имя которой — революция 1917 года. Заслуга Шолохова как гениального художника в том, что он способствовал самораскрытию обеих сторон этого главного противоречия жизни с предельной художественной честностью, объективностью и правдой. Он предоставил возможность каждой из сторон раскрывать и обосновывать свою правоту, — не навязывая читателю авторской позиции.

Это не значит, что своей позиции у автора «Тихого Дона» не было. Она, конечно же, была и далеко опережала время.

Вспомним боль, которая звучит в словах Петра Мелехова незадолго до его гибели:

«— Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто с плугом проехались: один — в одну сторону, другой — в другую, как под лемешом. Чортова жизнь, и время страшное! Один другого уж не угадывает...»

Это и есть главная боль Шолохова и его внутреннее понимание процессов в жизни революционной России, показанные в романе «Тихий Дон».

Шолохов был первым — задолго до сегодняшнего дня, — кто почувствовал, понял, осмыслил русскую революцию — главное мировое событие XX века — как подвиг народа и его трагедию.

Памятен поэтический призыв тех лет: слушайте музыку революции!

Но были гениальные русские художники, уже в ту пору слышавшие в этой «музыке», которую в большей или в меньшей степени они принимали, — гул и скрежет глубинных тектонических сдвигов в пластах народной жизни. Эти гении — Есенин и Шолохов — воспринимали революцию не как праздник, но как трагическую попытку прорыва в будущее — через страдания, боль и горе людей, их разъединение.

Современное общество еще только приближается к подобному взгляду на эту великую и трагическую «историческую фазу русского народа», учится видеть две стороны в процессе революционной модернизации России — героическую и трагическую, не отвергая ни той, ни другой.

Удивительное историческое чутье, могучий инстинкт художественной правды — свойства гения — позволили Шолохову, преодолевая идеологические препоны своего времени, проникнуть до корней событий, уловить объективный исторический ход вещей и написать книгу не только нравственно правдивую, но и провидческую для будущего России, — книгу,

ратующую за национальное самосохранение и единение живущих в ней людей.

Шолохов в «Тихом Доне» — именно в этом и состояла его авторская позиция — первым проник в сущность русской революции как героической и одновременно глубоко трагической мистерии двадцатого столетия. Подобный взгляд на революцию не был доступен ни «белым», которые воспринимали революцию как злобный фарс, ни «красным», воспринимавшим революцию как свершившийся идеал, — невзирая на море крови и человеческих страданий. Ни те, ни другие не были способны к самокритике и не видели, не желали видеть на белых одеждах контрреволюции красных пятен человеческой крови, несчастий и изуверств, а на красных одеждах революции — таких же черных от крови следов не менее страшного горя, не менее лютых зверств.

Шолохов в «Тихом Доне» с объективных позиций выверяет реальную гуманность идеалов, реальную через жизненную практику как тех, так и других, применив для этого возведенный в абсолют принцип художественной правды. Он показывает воочию, с какой беспощадностью, как с той, так и с другой стороны, попиралась любовь к человеку ненавистью друг к другу.

Такого рода объективная проверка доступна только суду истории. В человеческом, а не историческом измерении времени на подобную высоту мог подняться только воистину великий художник, заставивший в своем романе «красных» и «белых» предъявить миру неприкрытую правду о себе. Шолохов исходил при этом не из преходящих политических принципов, но из фундаментальных и основополагающих: любви к людям, к родине, Отечеству.

«Тихий Дон» был возможен только в том случае, если он рос не из политики, а из жизни, если он был укоренен в народной почве, народной среде, если он создавался, фигурально выражаясь, с позиции Григория Мелехова, или, точнее — с позиции прототипа шолоховского героя Харлампия Ермакова, то есть с позиций глубоко народных. Народная точка зрения на революцию, народный взгляд на ее ход и противоречия и дали художнику право нравственного суда, далеко опережавшего время.

Открытое миру, отзывчивое сердце Шолохова не могло не реагировать на воистину драматические изменения в окружающем его мире. Его миро-созерцание, система убеждений формировались прежде всего через вовлеченность в народную жизнь на историческом переломе ее существования, через глубинное сопереживание этой жизни, стремление ее познать и выразить, стать ее «устами».

Редактор Вёшенской газеты А. Н. Давлятшин, близкий друг М. А. Шолохова, свидетельствует:

«Что же прежде всего и больше всего поразило меня в облике и характере Шолохова? То, что он не только отлично знал историю, быт, культуру, привычки и нравы казаков, — он сам жил в стихии культуры казачества органически. Не как влюбленный и заинтересованный, но все же внешний наблюдатель. Он жил самой активной деятельной жизнью казаков, способствовал сохранению и совершенствованию их культуры. Он был стопроцентный, простой нечиновный казак по одежде, житейским навыкам. По системе всех своих ценностей...» (А. Н. Давлятшин. Нечиновный казак // Огонек. 1993. № 17. С. 26).

В 1957 году в газете «Советская Россия» Шолохов в полный голос сказал об «очаровании человека» в Григории Мелехове.

Почему Шолохов столь болезненно реагировал на попытку некоторых критиков представить Григория Мелехова «отщепенцем»? Да потому, что в таком случае снимался бы вопрос о масштабе личности и трагедийности этого характера, выраженной в нем судьбы народа. По этой «теории» получается, что Григорий Мелехов сам виноват, что пошел против народа и за это получил заслуженное наказание. «Это чужой тезис» — так реагировал Шолохов на попытку возложить ответственность и вину за народную трагедию, проявившуюся в судьбе Григория Мелехова, на самого Григория Мелехова. Такой подход снимал вопрос о трагизме времени, о трагедии эпохи, выразившейся в судьбе Григория Мелехова, то есть снимал главную проблему «Тихого Дона», ради которой роман и был написан.

Нет сомнения, Григорий Мелехов для Шолохова — фигура подлинно народная и одновременно — глубоко трагическая, выразившая трагедию времени, которому он принадлежал.

Причем — и это принципиально важно — Шолохов осознавал трагедию революционной эпохи не извне, как ее враги и противники, и не с позиции стороннего наблюдателя, а изнутри, принадлежа ей. И сказал об этом не после смерти Сталина, а задолго до того, в середине двадцатых годов. В этом — отличительная особенность позиции Шолохова и романа «Тихий Дон».

Противники Шолохова пытаются доказать, будто роман «Тихий Дон» мог быть написан только «белым», но ни в коем случае — «красным». Но в таком случае это был бы совершенно другой роман. Роман, обличающий революцию, пронизанный симпатией к одним и ненавистью к другим. И таких романов, обличавших революцию, появилось немало, начиная от «Ледового похода» Романа Гуля и кончая «Красным колесом» самого Александра Солженицына.

Взгляд на революцию извне лишил бы роман того натянутого нерва, той напряженной внутренней боли, того качества трагедийности, без которых «Тихий Дон» не был бы «Тихим Доном».

Своеобразие романа «Тихий Дон» в том и состоит, что роман написан человеком, душой принимающим революцию — в ее высших гуманистических, идеальных принципах, — но не приемлющим тех конкретных форм их осуществления, которые несли народу вместо освобождения боль и страдание.

Не революция как таковая, но ее антигуманная троцкистская практика — таков, по мысли Шолохова, исток трагедии казачества в революции, личной судьбе Григория Мелехова.

Так исторически сложилось, что роль Троцкого на юге России была огромна. Именно на юге России — в Царицыне — произошла главная ошибка Троцкого и Сталина в годы Гражданской войны. Троцкий практически руководил подавлением Вёшенского восстания, перед этим спровоцировав его.

31 декабря 1918 года Троцкий подписал «Воззвание Реввоенсовета Республики к офицерам и казакам белой армии», призвавшее казачество сбросить ярмо белогвардейщины и признать советскую власть, за что всем казакам гарантировалось прощение всех преступлений, совершенных против трудового народа во время службы у белых, мирный труд и свободу. Поверив Троцкому, казаки Вёшенской, Казанской, Мигулинской и других станиц Верхнего Дона открыли фронт красным и вернулись домой к мирному труду. И тот же Троцкий, месяц спустя, направил в войска приказ о «расказачивании» Дона и начале массовых репрессий против казачества, что и вызвало в марте 1919 года Вёшенское восстание.

«Расказачивание» обернулось геноцидом в отношении казачества. Это значило для М. А. Шолохова уничтожение того родного ему мира и тех людей, которых он всем сердцем любил. Не случайно роман «Тихий Дон» в мировой литературе считается одним из лучших произведений, посвященных не только революции — любви.

Во время встречи с М. А. Шолоховым норвежский ученый, профессор Г. Хьетсо сказал Шолохову:

«Лично для меня ваш “Тихий Дон” и любовь Григория и Аксиньи сказали больше, чем многие другие произведения писателей Запада. Ваш “Тихий Дон” говорит: люди живут на земле один раз. Они живут в мире природы. Купаясь в лучах солнца, радуясь зелени трав, разноцвету степей, грозам и ливням... “Тихий Дон” — это песнь о любви с большой буквы, о Родине. Это гимн родной земле, ее корням, ее истокам» (Вопросы литературы. 1999. Май. С. 36).

Прямой защите казачества, а по сути — всего русского народа — уничтожения ради торжества троцкистских грез о «мировой революции» и была посвящена третья книга (шестая часть) «Тихого Дона», — его вершина, апофеоз, ради которого и писался роман.

2

Первые две книги романа являлись лишь завязкой, готовившей читателя к главной книге романа. Но и первые две книги ожидала в пору 20-х годов непростая судьба, потому что «Тихий Дон» был романом о казачестве — «оплоте царского строя».

В Госиздате, куда по совету друзей из «Журнала крестьянской молодежи» молодой писатель принес первую часть романа, «замахали руками, как черти на ладан. Восхваление казачества! Идеализация казачьего быта!» И все в этом роде. Куда мне тащить?» (Н. Тришин. У истоков // Комсомольская правда. 1960. 22 мая).

Роман «Тихий Дон» спас А. Серафимович. Автор знаменитого в ту пору романа «Железный поток», прошедший через арест и ссылку в связи с делом Александра Ульянова и потому близкий к семье Ленина, друг и соратник Горького по издательству «Знание», Серафимович соединял зарождавшуюся советскую литературу с традицией дореволюционной русской литературы XIX — начале XX веков. Он был одним из самых авторитетных писателей того времени. В 1926 году А. Серафимович стал ответственным редактором журнала «Октябрь», органа РАППА, Российской ассоциации пролетарских писателей, самой влиятельной писательской организации послереволюционных лет. Только Серафимович был в силах решить в тех обстоятельствах судьбу «Тихого Дона», тем более что донской казак по корням, он был уже знаком с творчеством начинающего писателя с Дона, поддержал своим предисловием его книгу «Донские рассказы».

Прочитав две первые книги романа «Тихий Дон», Серафимович полностью взял ответственность на себя и, невзирая на сомнения членов редколлегии и прямые протесты заместителя главного редактора журнала, рапповца М. Лузгина, принял решение: «...немедленно печатать роман без всяких сокращений».

После завершения публикации первой книги романа А. Серафимович публикует в «Правде», 19 апреля 1928 года, статью «Тихий Дон», где называет автора «Тихого Дона» «молодым ореликом» и дает самую высокую оценку роману.

В сентябре 1928 года на пленуме РАПП М. А. Шолохова вводят в состав редколлегии «Октября».

Но критика молчит.

И вдруг, начиная с конца 1928 года, сразу после того, как в редакцию журнала «Октябрь» поступила рукопись третьей книги, на роман обрушивается критический шквал. 13 января 1929 года ростовская молодежная газета «Большевицкая смена» публикует статью «Эпопея под вопросом», где роман Шолохова выводится «за грань искусства». Под

рубрикой «В порядке обсуждения» статья перепечатывается в журнале «На подъеме».

Чуть раньше, 11 декабря 1928 года, ростовская газета «Молот» печатает статью рапповца Ю. Юзовского, в которой критик, назвав «Тихий Дон» «грандиозной эпопеей», первым высказывает сомнение в авторстве романа, заключив статью фразой: «И такой размах — в 23 шолоховских года?!» Именно в рапповском окружении зародилась эта клеветническая сплетня об авторстве «Тихого Дона».

Рукопись третьей книги была сдана Шолоховым в редакцию журнала в ноябре 1928 года. По прочтении рукописи членами редколлегии она сразу же была отправлена руководству РАПП и далее — «вверх». А. Серафимович был отстранен от руководства журналом «Октябрь». Ответственным редактором был назначен А. Фадеев.

Опубликовав в январе — марте 1929 года первые 12, посвященных преддверию восстания, глав третьей книги, журнал «Октябрь» без объяснений прекращает публикацию романа «Тихий Дон».

Началась самая настоящая расправа над романом и его автором. Он был представлен белогвардейцем или, еще хуже, — литературным вором, укравшим роман у «белого офицера», чем и объяснялось его контрреволюционное содержание.

Противостоять клевете было нелегко. В ответ на замечание Г. Хьетсо в беседе с писателем, что клевета о плагиате была вызвана завистью коллег-писателей, М. А. Шолохов с горечью сказал: «Зависть... Зависть организованная!..» (Вопросы литературы. 1990. Май).

Близкая к Серафимовичу большевичка Е. Ломтатидзе вспоминает: «Крепко врезалось мне в память неоднократно высказывавшееся Серафимовичем суровое осуждение руководителей РАППа, травивших молодого Шолохова. Группа «авторитетных» рапповцев во главе с Леопольдом Авербахом пустила гнусную клевету, что «Тихий Дон» (а тогда вышла только первая книга) написана не Шолоховым, а кем-то другим, что Шолохов присвоил себе чужой труд. Чтобы добиться опровержения клеветы, М. А. Шолохов потребовал создания авторитетной писательской комиссии» (Е. Ломтатидзе. Из воспоминаний. Ростов н/Д, 1959. С. 76).

Сын М. А. Шолохова, М. М. Шолохов, свидетельствует:

«...Мне известно из рассказов отца... что руководство РАПП всячески игнорировало просьбы отца о создании такой комиссии. Все члены правления РАПП, разумеется, прямо не отказывали, но и ничего не делали, мотивируя свое нежелание самым благовидным предлогом: «мы тебя знаем, в оправданиях ты не нуждаешься, так зачем же связываться с откровенными клеветниками» (М. М. Шолохов. Об отце. Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 32—33).

Не найдя никакой поддержки среди тех «братьев-писателей», кто имел литературный авторитет и вес, достаточные для того, чтобы расставить все точки над *i*, отец вынужден был обратиться в «Правду», и только тогда, под председательством Марии Ильиничны Ульяновой, бывшей тогда членом редколлегии и ответственным секретарем газеты, была создана комиссия в составе Серафимовича, Фадеева, Авербаха, Ставского, Киршона, которая и выступила с опровержением клеветы. «Целый чемодан рукописей в Москву возил, — рассказывал отец. — Здоровенный такой фанерный чемодан специально для той надобности пришлось тогда покупать».

Изучив все представленные М. А. Шолоховым материалы, комиссия опубликовала свое решение в «Рабочей газете» (24 марта 1929 года и в газете «Правда» (29 марта 1929 года).

Факты были неопровержимыми. Вывод комиссии был однозначен:

«Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе питатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей... Пролетарские писатели, работающие не один год с Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописи...

Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим советскую общественность помочь нам в выявлении «конкретных носителей зла для привлечения их к судебной ответственности»».

Искать «конкретных носителей зла» не надо было далеко. Они были рядом — среди злобствующих от зависти к таланту великого писателя коллег, ненавидящих крестьянство, народ, который они считали быдлом, и в особенности казачество.

«...Ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета, — пишет Шолохов жене 23 марта 1929 года. — Об том только и разговоров в литературных и читательских кругах... Позавчера у Авербаха спрашивал об этом т. Сталин» (Шолоховские чтения. Ростов н/Д, 2000. С. 6—7).

Моральное уничтожение Шолохова соединилось с уничтожением политическим.

В августе 1929 года журнал «Настоящее» (Новосибирск) печатает статью редактора этого журнала А. Курса, которая называлась «Почему «Тихий Дон» понравился белогвардейцам?». 8 сентября 1929 года в ростовской газете «Большевистская смена» публикуется очередной пасквиль против Шолохова некоего Н. Прокофьева «Творцы чистой литературы»,

где Шолохов прямо обвиняется в политической неблагонадежности, в пособничестве кулакам.

В середине сентября 1929 года созывается очередной пленум РАПП, целиком посвященный проработке Шолохова, причем — в его отсутствие. Стенограмма этого пленума РАПП хранится в отделе рукописей ИМЛИ. Пленум в сентябре 1929 года разительно отличается по тональности от заседания пленума РАПП годом ранее, где М. А. Шолохов триумфально был введен в редколлегию журнала «Октябрь». На Пленуме в сентябре 1929 года шла политическая проработка М. А. Шолохова:

«Мы расстаемся с Григорием Мелеховым... на этом этапе, когда он прошел через ряд бесконечных колебаний. Перед ним стоит проблема — либо-либо. Он должен перейти либо к белому движению, либо перейти на сторону пролетариата», — потребовал от Шолохова секретарь РАППа А. П. Селивановский.

А. Бусыгин заявлял: «...Идеализация старого казачьего быта — тоска самого автора, что тот старый казачий быт погибает. Будь он пролетарский писатель, тоски бы этой не было».

М. Майзель прямо говорил: «Если Шолохов является выразителем интересов крестьянства, то только той части, которую принято именовать кулаками» (ОР ИМЛИ, р. 143, ед. хр. 74).

Черту дискуссии о «Тихом Доне» подвел видный историк троцкистского толка Н. Л. Янчевский, который в своем докладе «Реакционная романтика» на обсуждении «Тихого Дона» в мае 1930 года заявил:

«...“Тихий Дон” — произведение чуждое и враждебное пролетариату. ... Шолохов в романе совершенно сознательно проводит те идеи, под знаменем которых боролись здесь, на Северном Кавказе, в частности на Дону, кулацкая контрреволюция и донское дворянство, которое сейчас выброшено за границу... Я думаю, роман Шолохова, высокий по своей художественности, по своей идее выражает то, чем оперировала самая махровая донская контрреволюция» (Дискуссия о «Тихом Доне» // На подъеме. 1930. № 12. С 130).

Борьба Шолохова за правду в литературе была в прямом смысле борьбой не на жизнь, а на смерть.

Политические доносы со стороны рапповцев, равно как и неприкрытые угрозы со стороны ОГПУ, говорят, что на кону стояли свобода и жизнь М. А. Шолохова.

Давление шло со всех сторон, использовались любые возможности для влияния на Шолохова.

Е. Г. Левицкая, редактор «Тихого Дона», рассказывает в своих записях-воспоминаниях о разговоре с Ф. Панферовым:

«Вот Вы дружите с Шолоховым — убедите его, чтобы он закончил “Тихий Дон” тем, что Григорий станет большевиком. Иначе “Тихий Дон”

не увидит света». — «А если то не соответствует жизненной правде?» — возразила я. «Все равно так надо» (ОР ИМЛИ, р. 143, оп. 1. Архив Е. Г. Левицкой).

Три года борьбы за третью книгу «Тихого Дона», написанную во славу и защиту казачества, в условиях, когда само слово «казак» в партийных кругах было словом бранным, были тяжелейшими для Шолохова. «Третью книгу моего романа не печатают, — писал Шолохов с болью Серафимовичу. — Это дает им (клеветникам) повод говорить: “Вот, мол, писал, пока кормился Голоушевым (один из претендентов на авторство «Тихого Дона». — Ф. К.), а потом иссяк родник...” За какое лихо на меня в третий раз ополчились братья-писатели?» (РГАЛИ, ф. 457, оп. 1, ед. хр. 355).

На этот раз Шолохов вел свою борьбу в полном одиночестве. Не имея поддержки Серафимовича, которого уже не было в редколлегии журнала «Октябрь», М. А. Шолохов решает обратиться за помощью к Горькому, только что вернувшемуся из Италии в Советский Союз.

В апреле 1931 года Шолохов встретился с Горьким и передал ему рукопись третьей книги «Тихого Дона» (без завершающих глав), отвергнутую журналом «Октябрь» по настоянию руководства РАППа.

Прочитав рукопись, А. М. Горький написал руководителю РАППа А. А. Фадееву письмо, которое свидетельствует о высокой оценке Горьким таланта Шолохова, проявившегося уже в первой и второй книгах «Тихого Дона». Однако в силу своего специфического негативного отношения к крестьянству, Горький далеко не во всем и не полностью принял роман.

Статья А. М. Горького «О русском крестьянстве» (1922), книга «Несвоевременные мысли» (1918), другие выступления писателя говорят о том, что Горький не принимал «неодолимый консерватизм деревни». «Вокруг — бескрайняя равнина, а в центре ее — ничтожный, маленький человек, брошенный на эту скудную землю для каторжного труда», — таким виделся ему крестьянин. Такова «среда, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции, — писал Горький. — Это среда полудиких людей». Горький призывал помнить, что «Парижскую коммуны зарезали крестьяне...» (М. Горький. О крестьянстве. Берлин, 1927. С. 7, 8).

И вот Горький получает на суд роман, посвященный тому, как «русская Вандея» — казачество — стремилось «зарезать» русскую революцию!

Надо отдать должное объективности Горького: он дал высокую художественную оценку роману, но ему трудно было поддержать роман политически.

В письме А. А. Фадееву, очень сдержанном, напоминающем официальный отзыв, А. М. Горький писал:

«Дорогой т. Фаддеев (именно так, через два «д». — Ф. К.)! Третья часть «Тихого Дона» произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй и лучше сделана. Но автор, как и герой его, Григорий Мелехов, «стоит на грани двух начал», не соглашается с тем, что одно[му] из этих начал в сущности — конец, неизбежный конец старого казачьего мира и сомнительной «поэзии» этого мира. Не соглашается он с этим потому, что сам весь еще — казак, существо, биологически связанное с определенной географической областью, определенным социальным укладом». Горький считал, что автор «Тихого Дона» нуждается в «бережном и тактичном... перевоспитании» (А. М. Горький. Письма А. А. Фаддееву. 5 июня 1913 г. — ИМЛИ. Архив А. М. Горького. ПГ — 47—1 — 2).

Как видите, оценка — полярная по отношению к позиции Шолохова и к замыслу романа. Шолохов, конечно же, никак не мог согласиться с тем, что «казачьему миру», ради защиты которого и написан роман, пришел «конец» и что «поэзия» этого «мира» сомнительна.

Слова о том, что автор романа «Тихий Дон» (как и его герой) «стоит на грани двух начал», не примыкая окончательно ни к одному из них, взяты Горьким из XX главы 6-й части романа, где Григорий Мелехов ведет тяжелый разговор с коммунистами — Иваном Алексеевичем Котляровым и Мишкой Кошевым. Григорий заявил им: «Што коммунисты, што генералы — одни шаровары, только гашники разные. Одно ярмо». «Он, в сущности, только высказал вгорячах то, о чем думал эти дни, что копилось в нем и искало выхода, — заключает Шолохов. — И оттого, что стал он на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их, — родилось глухое неумолчное раздражение» (т. 4. С. 159—160).

В контексте романа Григорий Мелехов стоит на грани в борьбе двух начал — «белых» и «красных». Горький переводит разговор в несколько иную плоскость, понимая под этими «двумя началами» «старый казачий мир» и мир новый, советский. Он видит ограниченность Шолохова в его приверженности к «казачьему миру», в его «областничестве».

«Рукопись кончается 224 стр., это еще не конец, — писал Горький Фаддееву. — Если исключить «областные» настроения автора, рукопись кажется мне достаточно «объективной» политически, и я, разумеется, за то, чтобы ее печатать, хотя она доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов» (там же).

Заканчивалось письмо Горького Фаддееву так: «Шолохов — очень даровит, из него может выработаться отличный советский литератор, с этим надо считаться. Мне кажется, что практический гуманизм, проявленный у нас к явным вредителям и дающий хорошие результаты, должно проявлять и по отношению к литераторам, которые еще не нашли себя».

Столь своеобразная поддержка Горьким Шолохова, который, при очевидной талантливости, по мнению Горького, «еще не нашел себя», естественно, не могла дать практического результата.

Не дождавшись положительного решения вопроса о публикации третьей книги романа, Шолохов вновь обращается к Горькому. Он направляет Горькому окончание шестой части и письмо, в котором развернуто объясняет замысел третьей книги романа, поставив в центр внимания Горького ту политическую проблему, — троцкизм, — которая привела в 1919 году казаков к восстанию против советской власти.

Шолохов писал Горькому: «...Некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа... обвинили меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не стужая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию, причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст[ани]це 62 казаков — стариков или расстрелы в ст[ани]цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков... <...> в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек.

И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями [советской] власти, иногда даже завзятыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не класс, а казачество.

Но я должен был... показать отрицательные стороны политики рассказывания и ущемления казаков — середняков, т[ак] к[ак], не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания <...>.

Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест... И если всех слушать, то три четверти нужно выбросить» (т. 8. С. 28—29).

Чтобы до конца понять обстановку, которая сложилась вокруг романа «Тихий Дон» к лету 1931 года, когда Горький получил это письмо Шолохова, надо знать отношение к роману самой всеильной организации того времени, сменившей ЧК, — ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление 1923—1934 гг. — Ф. К.), где, естественно, также прочитали рукопись 6-й части «Тихого Дона» (помните: «Рукопись... была задержана... руководителями РАППа и силами, которые стояли повыше»). Один из этих высокопоставленных «читателей» — Ягода, — как рассказывал Шолохов, прямо заявил писателю: «Ваш “Тихий Дон” белым ближе, чем нам!» (К. Прийма. С веком наравне. Ростов н/Д, 1985. С. 146).

Такое отношение ОГПУ к роману «Тихий Дон» диктовалось тем, что своим романом, где рассказывалась правда о геноциде в отношении казачества, Шолохов бросил вызов не только троцкистам, но и всему репрессивному аппарату. Этот вызов был принят — и едва не закончился в конце тридцатых годов арестом и гибелью Шолохова. Еще в двадцатых годах

Е. Г. Евдокимов, возглавлявший ОГПУ на Дону, а потом руководивший Ростовским обкомом партии, просил у Сталина согласия на арест Шолохова.

«Евдокимов ко мне приходил два раза и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами, — говорил Сталин в 1938 году, во время встречи с выпущенными из тюрьмы вещенцами. — Я Евдокимову сказал, что он ничего не понимает ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?» (П. Луговой. С кровью и потом... Из записи секретаря райкома партии // Дон. 1988. № 6. С. 117).

Вот по какому острию ножа или, скажем иначе, по какому тонкому льду шел Шолохов, создавая роман «Тихий Дон».

3

А. М. Горький понимал: судьбу третьей книги романа «Тихий Дон» может решить только Сталин. И передал ему роман Шолохова со своим письмом.

Встреча Сталина с Шолоховым состоялась на даче у Горького в Горках в середине июня 1931 года. Обратимся к рассказу М. А. Шолохова К. Прийме об этой встрече. Обращает на себя внимание такая выразительная деталь.

«...Когда я присел к столу, Сталин со мной заговорил... Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жег над пепельницей спички... Вытаскивал из коробки одну за другой и жег — за время беседы набросал полную пепельницу черных стружек...»

Деталь, свидетельствующая об огромном внутреннем напряжении Горького во время этого разговора.

Не менее выразителен был и вопрос Сталина:

«А вот некоторым кажется, что третий том «Тихого Дона» доставит много удовольствия белогвардейской эмиграции... Что вы об этом скажете?» — и как-то уж очень внимательно посмотрел на меня и на Горького» (там же. С. 148).

Шолохов не знал о письме Горького Фадееву, а потому не понял и причину этого «очень уж внимательного взгляда» Сталина. А за ним, со всей очевидностью, — предварительная беседа между Горьким и Сталиным о романе Шолохова, в ходе которой Горький не скрыл своих сомнений, высказанных ранее в письме Фадееву, что третья книга «Тихого Дона» «доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут».

Так почему же, зная эти отнюдь не безосновательные опасения, и, судя по характеру задаваемых вопросов, внимательно прочитав рукопись третьей книги «Тихого Дона», Сталин поддержал роман? Поддержал жестко и определенно: «Третью книгу “Тихого Дона” печатать будем!»

Думается, что решающим здесь для Сталина был политический момент: роман «Тихий Дон» помогал Сталину в борьбе с троцкизмом. И — шире: отношение Сталина к роману «Тихий Дон» Шолохова было предвестием того поворота страны к патриотическому курсу, который был реально осуществлен Сталиным позднее — во второй половине тридцатых годов, в преддверии войны с фашизмом. Именно вопрос о троцкизме стоял на первом месте в беседе Сталина с Шолоховым. Как рассказывал Шолохов, «Сталин... задал вопрос: откуда я взял материал о перегибах Донского РКП(б) и Реввоенсовета Южного Фронта по отношению к казаку-средняку? Я ответил, что в романе все строго документировано. А в архивах документов предостаточно, но историки их обходят... Историки скрывают произвол троцкистов на Дону и рассматривают донское казачество как «Русскую Вандею»! Между тем на Дону дело было посложнее... Вандейцы, как известно, не братались с войсками Конвента Французской буржуазной республики... А донские казаки, в ответ на «воззвание» Донского Реввоенсовета Республики, открыли свой фронт и побратались с Красной Армией. И тогда троцкисты вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции... В этом суть трагедии народа!» (там же. С. 147—148).

Так объяснил Шолохов Сталину свой роман.

Сталин принял решение о публикации третьей книги «Тихого Дона», которое, конечно же, было решением политическим.

Сталин поддержал роман «Тихий Дон» потому, что в романе беспощадно разоблачался Троцкий и троцкизм, правдиво показаны итоги гражданской войны на Дону, а поэтому Сталин считал, что «изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию!»

А с другой стороны, позиция Шолохова, проявляющаяся в бесстрашной критике троцкистской политики «расказачивания», оборачивающейся геноцидом по отношению к народу, не могла не вызывать самой глубокой симпатии у противников советской власти, в первую очередь — у эмигрантского казачества, что и проявилось в столь широкой поддержке романа за рубежом.

Шолохов и Сталин — это сложная и большая тема, заслуживающая отдельного, особого разговора. И она, конечно же, не сводится к проблеме троцкизма, в чем Сталин и Шолохов объективно оказались союзниками.

Однако единомыслие Сталина и Шолохова проявлялось далеко не во всем и не везде. С течением времени такого единомыслия становилось все меньше и меньше.

Шолохов сам по себе был фигурой глубоко трагической — при всех внешних регалиях, которые были дарованы ему властью. Как и на Григории Мелехове, на нем самом лежит отблеск трагизма той эпохи, которой он принадлежал. Шолохов был настолько крупным и сильным человеком, что смог в возрасте двадцати с небольшим лет не только написать «Тихий Дон», но и напечатать его. Он установил отношения на равных с самой властной политической фигурой времени — Сталиным. И не уступил ему, хотя и заплатил за свою неуступчивость очень дорогую цену.

Шолохов был настолько реальной и независимой фигурой, что, заметьте, — в его книгах практически отсутствует Сталин. И это притом, что Сталин сыграл решающую роль в Царицыне, на Южном фронте, да и в жизни самого Шолохова.

Имя Сталина отсутствует и в публицистике Шолохова, — сравните эту позицию Шолохова с позицией всех остальных писателей того времени. И даже скромную заметку, посвященную 60-летнему сталинскому юбилею в 1939 году, Шолохов умудрился написать так, что чуть ли не в центр статьи поставил страшный голод 1933 года, о котором в печати было категорически запрещено говорить.

Голод и преступления в отношении деревни, несправедливость репрессий в отношении невинных людей — вот главные вопросы, с которыми Шолохов стучался в душу Сталина в страшные тридцатые годы. И Сталин был вынужден слушать Шолохова, отвечать на его письма и принимать меры потому, что понимал, кто он.

Встреча на даче у Горького летом 1931 года, где решали судьбу третьей книги «Тихий Дон», была второй встречей Шолохова и Сталина. Первая встреча писателя и вождя состоялась в начале 1931 года. Эту встречу предварило письмо Шолохова, которое он в июне 1929 года послал из Вёшенской в Москву своему редактору и другу Е. Г. Левицкой, письмо о положении крестьян Донщины. Письмо настолько страшное, что старая коммунистка Левицкая посчитала необходимым через свои связи передать это письмо лично Сталину.

Шолохов с болью и тревогой писал Левицкой, что на тихом Дону творятся «нехорошие вещи», из-за чего он «шибко скорбит душой».

«Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает... Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится... Казаки говорят: «Нас разорили хуже, чем нас разорили в 1919 году белые». «...Надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина, всех, кто лицемерно по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка» (ОР ИМЛИ, ф. 143, оп. 1. Архив Е. Г. Левицкой).

Вот об этом писал М. А. Шолохов Левицкой летом 1929 года. Сталин не мог не прочитать это письмо, потому что знал первые две книги шолоховского «Тихого Дона» и считал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени».

Правда, оценив столь высоко Шолохова в письме к Р. Кону 9 июля 1925 года, Сталин критикует Шолохова за то, что тот «допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др.», но эти частные ошибки и неточности не меняют в целом положительного отношения Сталина к роману. Высокую оценку Шолохова Сталин подтвердил в 1932 году в письме к Кагановичу: «У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему» (Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М., 1997. С. 17).

Если судить по «Журналу регистрации посетителей Сталина в Кремле» с 1931 по 1941 годы, у Сталина было одиннадцать встреч с Шолоховым (Исторический архив. 1998. № 4. С. 195). В действительности встреч было больше, так как далеко не все встречи — как, например, на даче у Горького — фиксировались в этом журнале. Судя по тому же журналу, Сталин ни с одним писателем, не считая Горького, не встречался так часто, как с Шолоховым.

Шолохов направил Сталину не менее 16 писем, некоторые — на десятках страниц, — и получил письменные или устные ответы.

Следует подчеркнуть: общение шло на равных! Сталин с глубоким уважением и вниманием относился к своему оппоненту, хотя в момент их знакомства тому было всего 26 лет.

Шолохов был крайне беспокойным и подчас — неудобным собеседником для Сталина. В своих обращениях, как устных, так и письменных, в своих пространственных письмах вождю Шолохов для себя не просил ничего: Шолохов просил о снисхождении и пощаде для народа. В письмах Сталину уходили в сторону та закрытость, сдержанность и осторожность, о которых писала в своих воспоминаниях о Шолохове Левицкая, — это был открытый крик души. И — боли. Шолохов писал Сталину об испытаниях, выпавших на долю народа в пору коллективизации и 37-го года, в словах, равновеликих по страстности масштабу этих человеческих бед и страданий.

Переписка Шолохова со Сталиным — о репрессиях 1929—1931 годов и репрессиях 1937 года, по глубине сопереживания человеческим страданиям, по внутреннему смыслу сопоставима с «Тихим Доном». И здесь речь идет о горе и боли народной — только не в форме художественной, а в форме публицистической, в виде открытого обращения к власти.

4

Взаимоотношения Сталина и Шолохова еще одно свидетельство тому, что попытка поставить под сомнение авторство М. А. Шолохова является попыткой с негодными средствами.

Сталин, с его мнительностью и подозрительностью, с его неприятием обмана не мог не проверить появившиеся слухи. При малейшем сомнении в авторстве «Тихого Дона» он не встречался бы с Шолоховым такое количество раз, не относился бы столь серьезно к его бесстрашным в тех условиях письмам.

ОГПУ, конечно же, не без ведома Сталина, следило за каждым шагом М. А. Шолохова чуть не с самого начала его работы над «Тихим Доном».

Историки литературы пока не допущены к архивам ЧК, где хранятся донесения о наблюдениях за Шолоховым. Однако в последнее время кое-что благодаря Интернету становится доступным.

В 2010 году в Перми был обнаружен архив покончившего с собой в 1947 году уроженца тех мест, «заслуженного чекиста» С. А. Болотова. В 1920 году именно Болотов был направлен на Верхний Дон «разбираться» с Вёшенским восстанием и его участниками. Об этом говорит сохранившийся в архиве Болотова Мандат Донской чрезвычайной комиссии от 1 июня 1920 года. Позже Болотов возглавлял Донское отделение ОГПУ, созданное в 1923 году взамен Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В начале сентября 1928 года Болотову, как руководителю Донского ОГПУ, было поручено срочно встретиться с М. А. Шолоховым для беседы.

По результатам этой беседы Болотов 4 сентября 1928 года направил Полномочному представителю ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестанской ССР Е. Г. Евдокимову (будущему первому секретарю ВКП(б) Ростовской области) развернутую докладную записку, в которой в частности говорится: «В процессе беседы с ним мне удалось узнать от него некоторые биографические сведения <...>. Так, он говорит, что сам он по происхождению иногородний, но мать казачка хут. Кружилинского, об отце умалчивает, а рассказывает об отчине-разночине, который его усыновил. Отчим занимался одно время торговлей, был также чем-то вроде управляющего.

Детство Шолохова протекало в условиях казачьего быта, и это-то дало богатый материал для его романа. Гражданская война застала его в Вешках. При советской власти работал в Продкоме по сбору продрозверстки и продналога. Знаком хорошо с местными главарями, возглавлявшими выступления в Верховьях Дона, хорошо знает Фомина и историю его банды, а также знаком с Ермаковым, личностью, по его мнению, крупной и красочной. Ермаков, по его словам, был сначала казачьим офицером,

получившим офицерское звание за военные боевые заслуги, а затем служил в 1-й армии Буденного, командовал у него последовательно эскадронном, полком, бригадой и был впоследствии начальником дивизионной школы, попадал раза два в Дончека, как бывший белый офицер, но посредством пружин внутреннего давления освобождался, а в 1927 году по постановлению Особого Совещания расстрелян в операцию после убийства Войкова».

«Создается глубокое впечатление, что этот Ермаков и есть герой романа Григорий МЕЛИХОВ», — пишет далее в своем донесении Болотов, выделяя фамилию героя романа прописью, но через И.

ОГПУ, а потом — НКВД и КГБ с самого начала знали, кто написал «Тихий Дон», равно как и то, что «героем романа», в конечном счете, является Харлампий Ермаков, расстрелянный 17 июня 1927 года в подвале того самого дома в Миллерово, где в сентябре 1928 года произошла встреча Шолохова с руководителем донского ОГПУ.

Однако советские шолоховеды долгое время обходили молчанием эту тему: непосредственную, документальную связь романа «Тихий Дон» с трагическими событиями Вёшенского восстания верхнедонского казачества в 1919 году.

Отметим, что советское шолоховедение — довоенное и послевоенное — провело немалую работу по исследованию творчества Шолохова. Были опубликованы книги В. Гоффеншефера «“Михаил Шолохов”. Критический очерк» (М., 1940), И. Лежнева «Путь Шолохова. Творческая биография» (М., 1958), В. Гуры «Жизнь и творчество М. А. Шолохова» (М., 1960), А. Бритикова «Мастерство Михаила Шолохова» (М., Л., 1964), В. Петелина «Гуманизм Шолохова» (М., 1965), Л. Якименко «Михаил Шолохов. Литературный портрет» (М., 1967), его же «Творчество М. А. Шолохова», три издания, последнее — М., 1977; Ю. Лукина «Два портрета» (М., 1975), Ф. Г. Бирюкова «Художественные открытия Михаила Шолохова» (М., 1976).

Особенность перечисленных исследований, появившихся с конца 40-х и до начала 80-х годов, — в обстоятельном анализе художественных достижений М. А. Шолохова и художественных особенностей в романе «Тихий Дон», его связей с реалистической традицией великой русской литературы, художественного мастерства М. А. Шолохова.

Но в этих трудах не затрагивали своеобразие поэтики «Тихого Дона», заключавшееся в единстве художественного и документального начал, глубочайшей не только художественной, но и фактической правды о реальных исторических событиях, связанных с Вёшенским восстанием, о документальной основе романа «Тихий Дон».

Даже в обобщающей статье о творчестве М. А. Шолохова для «Большой Сов. энц.» (М., 1978. Т. 29), написанной главным советским специалистом

по творчеству Шолохова Л. Якименко, в разделе, посвященном роману «Тихий Дон», о Вёшенском восстании не сказано ни слова, а Григорий Мелехов представлен фактически «отщепенцем».

Ограниченность взгляда советского шолоховедения той поры на роман «Тихий Дон» имела свои объективные причины. Сам факт Вёшенского восстания 1919 года замалчивался официальной исторической наукой, равно как замалчивались крестьянские восстания по всей России, прокатившиеся в 1918—1919 годах.

В силу этой причины советское шолоховедение почти полностью обошло молчанием документальную основу романа, тот факт, что роман «Тихий Дон» — не только гениальное художественное произведение, но одновременно — и предельно точная хроника исторических событий, связанных с Вёшенским восстанием 1919 года.

Отсюда — почти полное отсутствие в советском шолоховедении, вплоть до второй половины 70-х — начала 80-х годов, того, что именуется «литературным краеведением». Игнорировалось исследование прототипов героев романа, реалий действительности, изображенной в романе под углом зрения правды жизни, изучения топографии и топонимики событий, изображенных в романе в соотношении с жизненными обстоятельствами места и времени. Даже такие принципиально важные характеры, изображенные в романе, как командующий армией восставших казаков Павел Кудинов или его правая рука, командир Вёшенской дивизии Харлампий Ермаков, воспринимались лишь в качестве «художественных образов».

Даже К. Прийма, наиболее близкий из шолоховедов к «литературному краеведению», долгое время считал, что Павел Кудинов — «художественный вымысел». «Вряд ли, казалось мне, — писал К. Прийма, — что Михаил Шолохов в «Тихом Доне» поставил имена и фамилии настоящих участников событий» (К. Прийма. За все в ответе. Ростов н/Д, 1981. С. 152).

Да и сам М. А. Шолохов долгое время уклонялся от признания того факта, что именно Харлампий Ермаков является главным прототипом Григория Мелехова, от обсуждения проблемы прототипов героев, документальных реалий фабулы романа.

Шолохов изменил этому правилу — хранить молчание о реальной связи романа с событиями Вёшенского восстания — в 1974 году, после выхода в Париже книги «Стремя “Тихого Дона”».

Как рассказывает ответственный работник ЦК КПСС А. А. Беляев в статье «Кто держал «стремя “Тихого Дона”?»» (газета «Культура», июнь 1999 г.), после появления этой клеветнической книги Константин Симонов напечатал в немецком журнале «Шпигель» (1974. № 49) беседу под названием «Такую книгу нельзя украсть», где убедительно раскрывалась эта ложь. М. А. Шолохов попросил напечатать перевод этой беседы в «Литературной

газете». Однако М. А. Суслов запретил газете это сделать, заявив: «Советские люди не нуждаются в доказательстве авторства Шолохова».

В чем причина такого, казалось бы, необъяснимого решения М. А. Суслова? Она в том, что Суслов понимал: обсуждение проблемы авторства романа неминуемо выведет дискуссию к ее истоку: к Вёшенскому восстанию, к теме судьбы крестьянства в годы революции и Гражданской войны. К вопросам, на которые в советской исторической науке было наложено табу.

И тогда М. А. Шолохов решил, не называя имени Солженицына, дать ответ на его измышления.

Не имея возможности положить на стол рукописи романа «Тихий Дон», как он это сделал в 1929 году, так как рукопись, которую он оставил на хранение в Москве у своего близкого друга Василия Кудашова, была практически похищена, Шолохов выбрал другой путь: предать гласности непроверяемые факты, связанные с историей создания романа «Тихий Дон», — факты, которые никто, кроме него, знать не мог.

Как свидетельствует «Летопись жизни и творчества Михаила Шолохова» (М., 2005), М. А. Шолохов 28—29 ноября 1974 года пригласил в Вёшенское ростовского шолоховеда К. Прийму, пользовавшегося особым доверием Шолохова, и корреспондента газеты «Комсомольская правда» И. Жукова. В течение двух дней Шолохов подробно рассказывал, как создавался «Тихий Дон». Как свидетельствует И. Жуков в своей книге «Рука судьбы» (М., 1994), на этой встрече была впервые представлена фотокопия того письма М. А. Шолохова Харлампию Ермакову от 6 апреля 1926 года, оригинал которого хранился в следственном деле Х. В. Ермакова в Ростовском КГБ и которое, скорее всего, и послужило причиной ареста Харлампия Ермакова в январе 1927 года.

Это письмо было изъято у Харлампия Ермакова при обыске и в особом пакете направлено Ягоде.

Приведем текст письма полностью:

«Москва, 6/IV — 26 г.

Уважаемый тов. Ермаков! Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае—июне с.г. Сведения эти касаются мелочей восстания Верхне-Донского. Сообщите письменно по адресу — Каргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли у Вас в этих месяцах длительной отлучки?

С приветом, М. Шолохов».

Во время беседы писатель, вспоминает И. Жуков, вдруг взял фотокопию письма и быстро на нем написал:

«Тов. Буденный помнил его по 1-й Конной армии и отозвался о нем как об отличном рубаке, равном по силе удара шашкой Оке Городовникову.

29.11.1974 М. Шолохов».

Что означала эта подпись Шолохова и дата на обороте своего письма? То, что фотокопия письма росчерком пера была превращена в документ, завизированный личной подписью М. А. Шолохова и имеющий дату своего возникновения. Дату чрезвычайно выразительную: 29 ноября 1974 г. Год появления книги «Стремя “Тихого Дона”» с предисловием Солженицына.

К. Прийма констатирует: 29 ноября 1974 года Шолохов «впервые открывает нам», что «события Вёшенского восстания 1919 года» он «поставил в центр всей эпопеи». «Из письма видно, — продолжает К. Прийма, — что Шолохов ранее уже имел откровенные беседы о событиях 1919 года с Харлампием Ермаковым. Бывший комдив повстанцев, а затем командир полка в Первой Конной армии Буденного, Харлампий Васильевич Ермаков... приоткрыл (Шолохову) завесу истории над трагедией верхнедонских казаков, сообщил писателю много важного и нового, чего из книг историков Шолохов, вероятно, почерпнуть не мог».

По словам И. Жукова, текст беседы, которую М. А. Шолохов провел с двумя собеседниками 28—29 ноября 1974 года (никогда ни ранее, ни позже он не уделял журналистам столько времени!), предназначался для публикации в прессе, как ответ на домыслы Солженицына практически по всем главным пунктам. М. Шолохов представил журналистам подробную информацию об истории создания романа «Тихий Дон», об источниках, которые использовались им в работе над романом, — по историографии казачества, по фольклорным истокам казачьей песни, по истории Первой мировой войны, Гражданской войны, рассказал о мемуарах белой эмиграции, трудах зарубежных историков, использовавшихся при написании романа.

Вёшенскому восстанию в нашей стране было посвящено лишь несколько страниц в книге сотрудника Генштаба Красной Армии П. Какурина «Как сражалась революция» (М., Л., 1926), расстрелянного в начале 20-х годов. Труд его был изъят из библиотек.

Шолохов в ходе беседы документами подтвердил, что роман «Тихий Дон» был практически первым и единственным не только художественным, но и историческим исследованием истории Вёшенского восстания, крупнейшего народного восстания в годы Гражданской войны, по количеству штыков превосходившего Добровольческую армию Деникина, грозившего революции поражением.

Принципиальное значение не только для решения проблемы авторства, но и для концептуального понимания романа «Тихий Дон» имеет то, что именно в 1974 году, сразу же после появления инспирированной Солжени-

цыным книги, М. А. Шолохов впервые открывает читателю фактическую историю создания романа «Тихий Дон», его прямую связь с событиями Вёшенского казачьего восстания и прямо называет фигуру прототипа его главного героя, одного из руководителей восстания Харлампия Ермакова.

К сожалению, эта беседа так и не увидела свет в 1974 году, к чему стремился Шолохов. Она появилась много лет спустя в сборнике статей К. Приймы «С веком наравне» (Ростов-на-Дону, 1981) тиражом 10 000 и прошла фактически незамеченной. А между тем в этой беседе Шолоховым был «приоткрыт исток “Тихого Дона”, выбивающийся из самих глубин жизни» (И. Жуков).

Беседа с М. А. Шолоховым так и не была опубликована в «Комсомольской правде», хотя, по словам заведующего литературным отделом газеты И. Жукова, он ради этого и приезжал в Вёшенскую. Не была она опубликована и в «Литературной газете». Советские средства массовой информации, выполняя установку М. А. Суслова, глухо молчали, не отвечая на клевету в адрес М. А. Шолохова.

Так продолжалось практически до болезни и смерти М. А. Суслова.

Статья ответственного работника отдела культуры ЦК КПСС А. Беляева «Кто держал стремя “Тихого Дона”», опубликованная в газете «Культура» в 1999 году (17 июня), имела точный подзаголовок: «Михаил Шолохов унес с собой в могилу страшную обиду». Нет сомнений в том, что «страшная обида» свела его раньше времени в могилу.

Писатель Анатолий Калинин, близкий друг М. А. Шолохова, писал в 1987 году, уже после смерти Суслова, в «Правде» (16 мая): «Вероломно нанесенный ему удар сделал свое дело. Не предотвратили, не упредили. Объясняли на этот раз фигуру умолчания тем, что ни “Тихий Дон”, ни соавтор “не нуждались в защите. Они сами себя защищают”. Не защитили!»

6

Перемены, происходившие в нашей стране в последние десятилетия, привели к активизации отечественного шолоховедения, выработке нового подхода к творчеству Шолохова, нового взгляда на роман «Т. Д.» как выдающееся явление нашей общенациональной культуры.

В 1989 году был наконец опубликован и переведен на русский язык труд скандинавских ученых о результатах их компьютерно-математических исследований (с предисловием П. В. Палиевского «Непредусмотренный арбитраж») (Г. Хьетсо, С. Густовсон, Б. Бекман, К. Гил. Кто написал “Тихий Дон”. [Проблемы авторства “Тихого Дона”] М., 1989).

Опубликованы исследования о жизни и творчестве М. А. Шолохова: Ф. Бирюков «О подвиге народном» (М., 1989), П. Палиевский «Шолохов

и Булгаков» (М., 1999), В. Васильев «Шолохов и русское зарубежье» (М., 2003), В. Чалмаев «М. А. Шолохов в жизни и творчестве» (М., 2004), Н. Корниенко «Читатели и нечитатели Михаила Шолохова» (Воронеж, 2004), В. Осипов «Шолохов. ЖЗЛ» (2005), С. Семенова «Мир прозы Михаила Шолохова» (М., 2005), Ф. Кузнецов «“Тихий Дон”: судьба и правда великого романа» (М., 2005).

Что объединяет эти разноплановые исследования, вышедшие в основном из одного «гнезда» — Института мировой литературы им. Горького РАН? Подход к «Тихому Дону» как к художественному — и одновременно — документальному эпосу о революции и Гражданской войне. А также внимание к тексту, поскольку Институт ведет большую текстологическую работу по подготовке полного академического собрания сочинений М. А. Шолохова.

Большую помощь подготовке академического собрания сочинений М. А. Шолохова оказывает «Факсимильное издание первых двух книг “Тихого Дона”» (Московский писатель, 2005) благодаря поддержке Международного шолоховского комитета (председатель — В. С. Черномырдин), выпуск «Летопись жизни и творчества» Михаила Шолохова, подготовленный Гос. музеем-заповедником М. А. Шолохова, труд В. Запелова «Рукописи “Тихого Дона” в Пушкинском Доме» (Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб.: Наука, 1995), а также осуществленное ИМЛИ транскрибированное издание рукописи первых двух книг «Тихого Дона».

Особо следует сказать о «краеведческом» шолоховедении, толчком к которому послужила упомянутая выше беседа от 28—29 ноября 1974 года М. А. Шолохова с шолоховедом К. Приймой и корреспондентом «Комсомольской правды» И. Жуковым. Эта беседа разрушила преграду, отделявшую «Тихий Дон» как великое художественное произведение от реальных событий в жизни Дона в трагическом 1919 году, существовавшую в силу негативного отношения власти к этим событиям.

Документальное исследование этих трагических событий на Верхнем Дону началось со второй половины 1970 годов, когда многие участники и свидетели тех событий были еще живы. И вели их практически местные, Вёшенские краеведы, объединившиеся вокруг Гос. музея-заповедника М. А. Шолохова.

В 1981 году в Ростове-на-Дону вышли сразу две книги Константина Приймы — «С веком наравне: Статьи о творчестве М. А. Шолохова» и «За все в ответе», явившиеся прорывом в конкретном шолоховедении, основанном на личных изысканиях автора краеведческого характера.

В 1985 году в Ростове-на-Дону появляется книга Г. Сиволова «Михаил Шолохов. Страницы биографии», а в 1991 году — его же краеведческий труд «“Тихий Дон”. Рассказы о прототипах». Г. Я. Сиволов, по корням каргинский казак, провел широкие краеведческие изыскания в Каргинской, Вё-

шенской и других близлежащих хуторах и станицах, чтобы на строго документальной основе выявить основной состав прототипов героев «Тихого Дона», а также реальных героев, жителей этих мест, выступающих под своими именами.

Исследования К. Приймы и Г. Сиволова составляют ядро краеведческого шолоховедения, позволяющее воочию увидеть и понять, до какой степени крепки нити, связывающие «Тихий Дон» с Вёшенским юртом и Вёшенским восстанием, насколько глубока эта связь. К ним примыкает такая публикация, как книга В. Шестакова «Станица Каргинская в романе М. А. Шолохова “Тихий Дон”» (Ростов н/Д, 2004), воспоминания об отце М. М. Шолохова «Отец был прост и мужественен» (Ростов н/Д, 1999), воспоминания П. Лугового «С кровью и потом» (Дон. 1988. № 8) и др.

Раскрытая в этих трудах плеяда прототипов героев «Тихого Дона», и прежде всего Харлампия Ермакова, прототипа Григория Мелехова, топография и топонимика в романе, полностью совпадающая с топографией и топонимикой местности, где происходит действие романа; язык романа, народный говор прямой речи героев, местный фольклор и казачьи песни — все это возвращает нас к началу статьи и является неопровержимым свидетельством того, что роман «Тихий Дон» рос из жизни Верхнего Дона, из событий, которые там происходили в 1919 году, и мог быть написан только тем, кто с этой жизнью и этими событиями биографически соприкасался.

Это все, что осталось для Григория от цветущей, полной радости и света жизни.

Но что поражает: «холодное солнце» не в состоянии погасить восприятие читателя этого огромного, с такой любовью воспроизведенного мира народной жизни. При всей глубине трагизма романа «Тихий Дон».

Исследования последних лет помогают понять еще одну важную особенность поэтики романа «Т. Д.». Специфическая особенность этого провидческого романа заключается в том, что, будучи одной из величайших трагедий в мировой литературе, роман «Т. Д.» в конечном итоге оставляет в душе читателя не мрак, но — свет.

Вспомним финал романа — Григорий Мелехов у ворот родного дома с Мишаткой на руках. «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока его роднило еще с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром». В конечном счете финал оставляет в душе ощущение света. Это чувство идет от всепоглощающей любви писателя к изображаемой им жизни и веры в свой народ, его будущее.

Эту любовь и веру в русский народ, как никто другой, услышал в романе «Т. Д.» и выразил в страстном слове один из самых трагических героев романа — руководитель Вёшенского восстания, десять лет проведенный в сибирских лагерях Павел Кудинов.

«Роман М. Шолохова “Тихий Дон” — есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. Впервые я пробовал читать его по-болгарски, но плохо понимал. Позже выписал себе из Белграда русское издание. Читал я “Тихий Дон” вздохнул, рыдал-горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и страдал-казнился — до чего же по-пынно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы вы, как на чужбине казаки — батраки-поденщики — собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались “Тихим Доном” до слез и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту. И многие рядовые и офицеры допытывались у меня: “Ну, до чего же все точно Шолохов про восстание написал, скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, этот Шолохов, что так досконально все мыслю превзошел и изобразил”. И я, зная, что автор “Тихого Дона” в ту пору был еще отроком, отвечал полчанам: “То все, други мои, талант, такое ему от Бога дано видение человеческих сердец и талант!” Скажу вам, как на духу, — “Тихий Дон” потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах — посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова “Тихий Дон”, как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!) — эти люди в 1941 году воевать против России не могли и не пошли. И зов Гитлера — Дранг нах Остен — был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря “Тихому Дону” передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...»

Ф. Ф. Кузнецов

Книга первая

Не сохами-то славная земляшка наша распахана...
Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земляшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами.
Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.

Старинные казачьи песни

Часть первая

I

Мелеховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисажженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, сырая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона. На восток — за красноталом гуменных плетней — Гетманский шлях, полынная просесть, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенка на развилке; за ней — задернутая текучим маревом степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу.

В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть. Пленная турчанка сторонилась родных Прокофия, и старик Мелехов вскоре отделил сына. В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды.

Прокофий обстроился скоро: плотники срубили курень, сам пригородил базы для скотины и к осени увел на новое хозяйство сторбленную иноземку-жену. Шел с ней за арбой с имением по хутору — высыпали на улицу все от мала до велика. Казаки сдержанно посмеивались в бороды, голосисто перекликались бабы, орда немытых казачат улюлюкала Прокофию вслед; но он, распахнув чекмень, шел медленно, как по пахотной борозде, сжимал в черной ладони хрупкую кисть жениной руки, некорно нес белесочубатую голову — лишь под скулами у него пухли и катались желваки, да промеж каменных, по всегдашней неподвижности, бровей проступил пот.

С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, бирюком. Гутарили про него по хутору чудно. Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали, будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сажал ее там на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню, садился с ней рядом, и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом

Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой. Хутор терялся в догадках, подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, бабам за разговорами поискаться некогда было. Разно гутарили и о жене Прокофия: одни утверждали, что красоты она досель невиданной, другие — наоборот. Решилось все после того, как самая отчаянная из баб, жалмерка Мавра, сбегала к Прокофию будто бы за свежей наковаской. Прокофий полез за наковаской в погреб, а за это время Мавра и разглядела, что турчанка попалась Прокофию последняя из никудышных...

Спустя время раскрасневшаяся Мавра, с платком, съехавшим набок, торочила на проулке бабьей толпе.

— И что он, милушки, нашел в ней хорошего? Хоть бы баба была, а то так... Ни ж..., ни пуза, одна страма. У нас девки глаже ее выгуливаются. В стану — перервать можно, как оса; глазюки черные, здоровующие, стригеть ими, как сатана, прости Бог. Должно, на сносях дохаживает, ей-бо!

— На сносях? — дивились бабы.

— Кубыть не махонькая, сама трех вынянчила.

— А с лица-то как?

— С лица-то? Желтая. Глаза тусменные, — небось, не сладко на чужой сторонushке. А ишо, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах.

— Н-у-у? — ахали бабы испуганно и дружно.

— Сама видала — в шароварах, только без лампасин. Должно, буднишние его подцепила. Длинная на ней рубаха, а из-под рубахи шаровары, в чулки вобратые. Я как разглядела, так и захолонуло во мне...

Шепотом гутарили по хутору, что Прокофьева жена ведьмачит. Сноха Астаховых (жили Астаховы от хутора крайние к Прокофию) божилась, будто на второй день Троицы, перед светом, видала, как Прокофьева жена, простоволосая и босая, доила на их базу корову. С тех пор ссохлось у коровы вымя в детский кулачок, отбила от молока и вскоре издохла.

В тот год случился небывалый падеж скота. На стойле возле Дона каждый день пятнилась песчаная коса трупами коров и молодняка. Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки, гулявшие на станичном отводе. И вот тут-то прополз по проулкам и улицам черный слушок.

С хуторского схода пришли казаки к Прокофию.

Хозяин вышел на крыльцо, кланяясь.

— За чем добрым пожаловали, господа старики?

Толпа, подступая к крыльцу, немо молчала.

Наконец один подвыпивший старик первым крикнул:

— Волоки нам свою ведьму! Суд наведем!..

Прокофий кинулся в дом, но в сенцах его догнали. Рослый батареец, по уличному прозвищу — Люшня, стучал Прокофия головой о стену, уговаривал:

— Не шуми, не шуми, нечего тут! Тебя не тронем, а бабу твою в землю втолочим. Лучше ее уничтожить, чем всему хутору без скотины гибнуть. А ты не шуми, а то головой стену развалю!

— Тяни ее, суку, на баз!.. — гахнули у крыльца. Полчанин Прокофия, намотав на руку волосы турчанки, другой рукой зажимая рот ее, распяленный в крике, бегом протащил ее через сени и кинул под ноги толпе. Тонкий вскрик просверлил ревущие голоса. Прокофий раскидал шестерых казаков и, вломившись в горницу, сорвал со стены шашку. Давя друг друга, казаки шарахнулись из сенцев. Кружа над головой мерцающую, взвизгивающую шашку, Прокофий сбежал с крыльца. Толпа дрогнула и рассыпалась по двору.

У амбара Прокофий настиг тяжелого в беге батарейца Люшню и сзади, с левого плеча наискось, развалил его до пояса. Казаки, выламывавшие из плетня колья, сыпанули через гумно в степь.

Через полчаса осмелевшая толпа подступила ко двору. Двое разведчиков, пожимаясь, вошли в сенцы. На пороге кухни, подплывшая кровью, неловко запрокинув голову, лежала Прокофьева жена; в прорези мученически оскаленных зубов ее ворочался искусанный язык. Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, кутал в овчинную шубу красно-слизистый попискивающий комочек — преждевременно родившегося ребенка.

* * *

Жена Прокофия умерла вечером этого же дня. Недоношенного ребенка, сжалившись, взяла бабка, Прокофьева мать.

Его обложили пареными отрубями, поили кобыльим молоком, и через месяц, убедившись в том, что смуглый турковатый мальчонок выживет, понесли в церковь, окрестили. Назвали по деду Пантелеем. Прокофий вернулся с каторги через двенадцать лет. Подстриженная рыжая с проседью борода и русская одежда делали его чужим, непохожим на казака. Он взял сына и стал на хозяйство.

Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой.

Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа.

С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а поulichному — Турки.

Похоронив отца, въелся Пантелей в хозяйство: заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сараи и амбар под жостью. Кровельщик по хозяйскому заказу вырезал из обрезков пару жестяных петухов, укрепил их на крыше амбара. Веселили они мелеховский

баз беспечным своим видом, придавая и ему вид самодовольный и зажиточный.

Под уклон сползавших годков закряхистел Пантелей Прокофьевич: раздался в ширину, чуть ссутулился, но все же выглядел стариком складным. Был сух в кости, хром (в молодости на императорском смотре на скачках сломал левую ногу), носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, до старости не слиняли на нем вороной масти борода и волосы, в гневе доходил до беспамятства и, как видно, этим раньше времени состарил свою, когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин дородную жену.

Старший, уже женатый сын его Петр напоминал мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый; а младший Григорий в отца попер: на полголовы выше Петра, хоть на шесть лет моложе, такой же, как у бати, вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румянеющей кожей. Так же ссутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое.

Дуняшка — отцова слабость — длиннорукий, большеглазый подросток, да Петрова жена Дарья с малым дитем, — вот и вся мелеховская семья.

II

Редкие в пепельном рассветном небе зыбились звезды. Из-под туч тянул ветер. Над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой. Левобережное Обдонье, пески, енды, камышистая непролазь, лес в росе — полыхали исступленным холодным заревом. За чертой, не всходя, томилось солнце.

В мелеховском курене первый оторвался ото сна Пантелей Прокофьевич. Застегивая на ходу ворот расшитой крестиками рубахи, вышел на крыльцо. Затравевший двор выложен росным серебром. Выпустил на проулок скотину. Дарья в исподнице пробежала доить коров. На икры белых босых ее ног молизивом брызгала роса, по траве через баз лег дымчатый примятый след.

Пантелей Прокофьевич поглядел, как прямится примятая Дарьиными ногами трава, пошел в горницу.

На подоконнике распахнутого окна мертвенно розовели лепестки отцветавшей в палисаднике вишни. Григорий спал ничком, кинув наотмашь руку.

— Гришка, рыбалить поедешь?

— Чего ты? — шепотом спросил тот и свесил с кровати ноги.

— Поедем, посидим зорю.

Григорий, посапывая, стянул с подвески будничные шаровары, выбрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирик, выправляя подвернувшийся задник.

— А приваду маманя варила? — сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы.

— Варила. Иди к баркасу, я зарáz.

Старик ссыпал в кубышку распаренное пахучее жито, по-хозяйски смел на ладонь упавшие зерна и, припадая на левую ногу, похромал к спуску. Григорий, нахохлясь, сидел в баркасе.

— Куда править?

— К Черному яру. Спробуем возле энтой кáрши, где надьсь сидели.

Баркас, черканув кормою землю, осел в воду, оторвался от берега. Стремя понесло его, покачивая, норовя повернуть боком. Григорий, не огребаясь, правил веслом.

— Гребани, что ль.

— А вот на середку вылупимся.

Пересекая быстрину, баркас двинулся к левому берегу. От хутора догнажи их гулки на воде петушины перековки. Чертя бортом черный хрящеватый яр, лежавший над водой урубом, баркас причалил к котловине. Сажень в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза. Вокруг него коловерт гоняла бурые комья пены.

— Разматывай, а я заприважу, — шепнул Григорию отец и сунул ладонь в парное зевло кубышки.

Жито четко брызнуло по воде, словно кто вполголоса шепнул — «шик»! Григорий нанизал на крючок взбухшие зерна, улыбнулся.

— Ловись, ловись, рыбка, большая и малая.

Леса, упавшая в воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла, едва грузило коснулось дна. Григорий ногой придавил конец удилища, полез, стараясь не шелохнуться, за кисетом.

— Не будет, батя, дела... Месяц на ущербе.

— Серники захватил?

— Ага.

— Дай огню.

Старик закурил, поглядел на солнце, застрявшее по ту сторону карши.

— Сазан, он разное берет. И на ущербе иной раз возьмется.

— Чútно, мелочь насадку обсекает, — вздохнул Григорий.

Возле баркаса, хлюпнув, схлынула вода, и двухаршинный, словно слитый из красной меди, сазан со стоном прыгнул вверх, сдвоив по воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги засеяли баркас.

— Теперя жди! — Пантелей Прокофьевич вытер рукавом мокрую бороду.

Сбочь затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях, одновременно выпрыгнули два сазана; третий, поменьше, ввинчиваясь в воздух, настойчиво раз за разом бился у яра.

Содержание

Великая книга XX века.....	5
Книга первая	31
Книга вторая	331
Книга третья	629
Книга четвертая	945
Живая сила реализма.....	1306
Комментарии.....	1309

Літературно-художнє видання

ШОЛОХОВ Михайло

Тихий Дон

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *Т. М. Куксова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*

Підписано до друку 27.03.2013. Формат 60х90/16. Друк офсетний.
Гарнітура «Мініон». Ум. друк. арк. 88. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.ttornado.com.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ШОЛОХОВ Михаил

Тихий Дон

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Т. Н. Куксова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*

Подписано в печать 27.03.2013. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Мініон». Усл. печ. л. 88. Тираж 6000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А
Тел. (495) 984-35-23
E-mail: office@bmm.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

Одесское

подразделение

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Шолохов М.

ПШ78 Тихий Дон : роман / Михаил Шолохов ; вступ. ст. Ф. Ф. Кузнецова ; коммент. В. В. Васильева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»» ; Москва : ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. — 1408 с.

ISBN 978-966-14-4710-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2297-2 (Россия)

ISBN 978-5-88353-539-9 (Россия, БММ)

УДК 821.161.1
ББК 84.4Р2